

С. А.
АНДРЕЕВСКИЙ

Избранное

Сергей Аркадьевич Андреевский
Дело Андреева
Серия «Судебные речи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2810495

Аннотация

«Господа присяжные заседатели!

Убийство жены или любовницы, точно так же как убийство мужа или любовника, словом, лишение жизни самого близкого существа на свете, каждый раз вызывает перед нами глубочайшие вопросы душевной жизни. Приходится изучать всесторонне его и ее. Вам необходимо постигнуть обоих и сказать о них сущую правду, считаясь с тем, что они друг друга не понимали, потому что всегда и всюду «чужая душа – потемки». А в супружестве, где, казалось бы, у мужа и жены одно тело, – это общее правило подтверждается особенно часто...»

Сергей Аркадьевич Андреевский Дело Андреева

Рассматривалась оно С. Петербургским окружным судом в 1907 году.

Господа присяжные заседатели!

Убийство жены или любовницы, точно так же как убийство мужа или любовника, оловом, лишение жизни самого близкого существа на свете, каждый раз вызывает перед нами глубочайшие вопросы душевной жизни. Приходится изучать всесторонне его и ее. Вам необходимо постигнуть обоих и сказать о них сущую правду, считаясь с тем, что они друг друга не понимали, потому что всегда и всюду «чужая душа – потемки». А в супружестве, где, казалось бы, у мужа и жены одно тело, – это общее правило подтверждается особенно часто.

Кстати, едва ли сыщется другая пара, столь благоустроенная по видимости и столь разобшенная внутри, как Андреев и Зинаида Николаевна.

Посмотрим же, каким образом сплелась их судьба.

Начнем с мужа.

В первый брак Андреев вступил еще на двадцать третьем

году. Брак был спокойный, без особенного увлечения. Девушка была из хорошей семьи, на три года моложе Андреева. Супруги зажили дружно. Андреев оставался верным мужем в самом точном смысле слова. Разнообразие в женщинах он не искал, не любил и даже не понимал. Он был из породы «однолюбов». Так длилось свыше десяти лет. Лишь на тридцать пятом году перед Андреевым явилось искушение в лице Сарры Левиной. Помимо своей воли он был одурманен. В нем заговорила, если хотите, «вторая молодость», потому что первая прошла незаметно. Это роковое чувство гораздо глубже и полнее захватывает воздержанного и неразвратного человека, нежели первое, естественное влечение к женщине. Скромный мужчина, прозевавший бурные страсти юности, в таких случаях думает себе: «Вот оно, наконец, то настоящее счастье, которое, кажется, все знают, а я еще никогда не испытал»...

Я назвал Андреева «однолюбом», а теперь будто вступаю в противоречие... Как же «однолюб», если «вторая молодость»?

Но люди вполне чистые в половом отношении весьма редки. То есть, конечно, есть на свете безупречные женщины, не знавшие, никого, кроме своего мужа. Бывают и мужья, остающиеся верными своим женам, вступая с ними в брак после всяческого дебоширства. Но едва ли когда-либо доселе была такая супружеская чета, которая и соединилась при обоюдной невинности, и осталась непорочной до гроба. Поэтому

Андреев, знавший в течение 30 лет всего двух женщин, может быть назван мужчиной целомудренным, чистым, склонным к единолюбию.

Первая встреча Андреева со своей «суженой» произошла в Лесном, на общественном гулянье. Ему назвали ее как общедоступную «барышню» из швеек.

За ней ухаживали многие любители развлечений. Но вся она, с головы до ног, как-то сразу ударила его по сердцу. Объяснить этого чувства нельзя... У каждого есть своя предназначенная женщина, от которой никуда не спасешься... Таковой была и Сарра Левина для Андреева. С каждой новой встречей он увлекался больше и дальше. Он делал ей подарки, выражал свои чувства. Она, видимо, приглядывалась к нему и подавала надежды. Наконец, его нежность и увлечение сделали свое дело. Она почуяла в нем нечто прочное – и отдалась... Она не была невинной. Как всегда в этих случаях, в прошлом любовницы оказалось что-то неопределенное, не то мимолетные романы, не то неосторожность. Андреев не углублялся и ничего знать не хотел. Первые раскрытые ему объятия решили его судьбу. Он уже не мог быть верным своей жене, он мог быть верным только Левиной.

Пришлось объясниться с женой. Началась ломка семьи. Жена не легко отдавала своего верного мужа, тем более, что соперница скандалила и всячески оскорбляла ее. Встречаясь с ней на улице, Левина показывала ей язык. Застав у ее подъезда готовый экипаж, Левина в него садилась и приказывала

кучеру везти ее, а не барыню. А Андреева только удивлялась, куда девался ее экипаж... Андреев был между двух огней. Сознавая себя невольным грешником, он мучился за причиняемые жене оскорбления и в то же время не мог винить Левину, видя в ее скандалах доказательство ее ревности, ее взаимности, ее желанья соединиться с ним нераздельно, к с чему он и сам стремился всем сердцем. Тяжкое время переживал он...

Между тем Левина забеременела. Андреев обрадовался, ибо увидел в этом новое укрепление своей связи. Положение обострялось, потому что жена, возмущенная наглостью Левиной, принимала свои меры, чтобы избавиться от нее мужа. Она добилась того, что полиция «припугнула» Левину... Ничего не подозревавший Андреев застал однажды свою беременную любовницу в обмороке, с повесткой о высылке из Петербурга. Он экстренно пустил в ход все свои связи, и ему удалось парализовать высылку благодаря вмешательству в дело градоначальника Грессера. Не желая впредь подвергать любимую женщину подобным случайностям, он тотчас же записал ее в гильдию. Наконец, жена подчинилась своей участи. Андреев вполне обеспечил ее и их маленькую дочь. Было решено, что жена не будет препятствовать сожительству Андреева с Левиной, но развод не состоится, пока дочь от первого брака не выйдет замуж. С величайшим трудом первая семья была устроена и фактически отпала.

И мы должны отдать справедливость обоим супругам пер-

вого брака: каждый из них свято оберегал интересы детей.

Как только у Левиной родилась дочь, она приняла православие и назвалась Зинаидой. Крещение было необходимо для того, чтобы Андреев мог узаконить новорожденную. В то же время, по настоянию, Андреева, и он, и его подруга составили завещание в пользу этого ребенка. С тех пор, уже 17 лет, как виденная вами барышня является единственной наследницей после своих родителей.

И вот началась у Андреева новая семья. Казалось бы, пара была вполне подходящая. Разница лет двенадцать – очень хорошая. Оба из купеческой среды, не особенно образованные. Она уже помыкала в безденежье, без определенного заработка и ранее встречи с Андреевым рисковала, как говорится, «ходить по рукам»... Ей достался человек солидный, верный, не чаявший в ней души, окруживший ее достатком, любовью и нежными заботами. Чего бы, кажется, еще желать? И действительно, Андреев ничего больше не желал.

В печати, не зная дела, уже рассуждали об этом союзе. Удивлялись, что биржевый маклер сделался героем уголовного романа. Предполагали, что здесь проза заела поэзию, что эгоистичный, состоятельный торгаш загубил порывистую женскую натуру и т. д.

Ничего подобного здесь не было. Андреев имел полное право считать себя счастливым мужем. Спросят: «Как, мужем? Да ведь Левина почти 14 лет была у него на содержании...» Стоит ли против этого возражать? В общезнании,

из лицемерия, люди придумали множество фальшиво возвышенных и фальшиво презрительных слов. Если мужчина повенчан с женщиной, о ней говорят: «супруга, жена». А если нет, ее называют: «наложница, содержанка». Но, разве законная жена не знает, что такое «ложе»? Разве муж почти всегда не «содержит» свою жену? Истинным браком я называю такой любовный союз между мужчиной и женщиной, когда ни ей, ни ему никого другого не нужно, – когда он для нее заменяет всех мужчин, а она для него всех женщин И в этом смысле для Андреева, избранная им подруга, была его истинной женой.

Кстати, первая жена своевременно сдержала слово: после замужества ее дочери состоялся развод, и за три года до катастрофы Зинаида Николаевна обвенчалась с Андреевым. Все в один голос говорят, что Андреев «безумно» любил свою жену. Почему? Если для кого-либо из вас не ясно, я вам помогу.

Возьмите всю жизнь Андреева. Вы увидите, что он работал без усталости и работал успешно. Добывал очень хорошие деньги. Но деньгами не дорожил, роскоши не понимал. Убыточных увлечений не имел. Не игрок, не пьяница, не обжора, не сладострастник, не честолюбец. В сущности, вся работа уходила на других. Он отдал большой капитал первой семье. Помимо того, участвовал во всевозможных благотворительных обществах и заслужил разные почетные звания. Высшие духовные интересы – наука, искусство – были ему чужды.

Скажите: надо же было иметь и этому хорошему человеку что-либо такое, что бы составляло его личное счастье, его отдых, его утешение. И его повлекло к тому простому счастью, которое вложено в нас самой природой, – к излюбленной женщине, которая бы пополнила одиночество мужчины. Что бы там ни говорили, но «не подобает быть человеку единому». Это закон жизни, основа всего мира. Какую бы дружбу мы к ближним ни испытывали, мы все-таки чувствуем себя отдаленными от них. Только в существовании другого пола мы находим как бы частицу своего сердца, которое стучит нам навстречу и сливается с этим существованием нераздельно. Эту высшую радость Андреев нашел в своей второй жене. Он не знал, как отблагодарить ее... Исполнял все ее прихоти. Отдавал ей все, что у него было. Уступал ее резкостям, всегда умел оправдывать ее шероховатости.

По своим ощущениям он мог бы поклясться, что эта женщина ни в ком другом не нуждается. И так как он никакой иной женщины не обнимал, то он сросся с женой, он видел в ней и в себе две неразрывные половины одного создания.

Не сомневаюсь, что Сарра Левина, благодаря своему легкому взгляду на мужчин и чувственному темпераменту, отдавалась своему здоровому супругу с полнейшей для него иллюзией горячей взаимности. Чего бы он мог еще требовать? И в таком заблуждении он прожил, насколько возможно, счастливо, в течение почти семнадцати лет... Как вдруг!..

Но здесь мы оставим мужа и обратимся к жене.

Тяжело говорить о мертвых. Гнусно было бы лгать на них, потому что они возразить не могут. Но так как «мертвые срама не имут», то высказывать о них правду не только возможно, но даже и необходимо, потому что каждый умерший есть поучение для живых.

Итак, присмотримся к Сарре Левиной.

Связавшись с Андреевым, прижив от него ребенка и переманив его к себе, на правах мужа, Зинаида Николаевна сообразила, что она приобрела семейное положение и, однако же, нисколько не утратила своей свободы. Снаружи она все так обставила, что, как ей думалось, никогда и ничем не рисковала. Почти весь день был в ее распоряжении, так как муж работал в городе с утра до обеда. Кроме того, ей иногда удавалось ездить одной в Михайловский театр, куда муж не заглядывал. Наконец, она усвоила привычку жить летом в Царском, куда муж приезжал только два раза в неделю. Везде, где она появлялась, она всегда производила своей эффектной, наружностью впечатление на мужчин. Это ей нравилось. Легкость обращения с ними у нее осталось с первой молодости. Мы знаем от инженера Фанталова, что добиться взаимности Андреевой было нетрудно. Возможно, поэтому она не раз обманывала мужа. Но нас интересует только один ее роман, вполне доказанный и весьма длинный, с генералом Пистолькорсом. Спешу, впрочем, добавить, что я разумею здесь роман только со стороны генерала, который был действительно влюблен в Андрееву. А она?

Я не вижу в ее жизни ни одного случая, где бы она любила кого бы то ни было, кроме себя. И как бы это ни показалось прискорбным для генерала Пистолькорса, следует сказать, что и его она не любила. Генерал аттестует покойную с наилучшей стороны: «правдивая, честная, умная, скромная»... Так ли это? «Правдивая»? Она ему солгала, что она замужем. «Честная»? Она еще в 1903 году, живя в довольстве, взяла от Пистолькорса, бог весть за что, 50 тысяч рублей. «Умная»? В практическом смысле, да, она была не промах. Но в смысле развития она была ужасно пуста и мелочно тщеславна. Наконец, «скромная»... Об этой скромности генерал может теперь судить по рассказам инженера Фанталова... Дело ясно: генерал был очень влюблен и потому слеп.

Бесцеремонность Зинаиды Николаевны в ее двойной игре между любовником и мужем прямо изумительна. Возьмите хотя бы ее бракосочетание с Андреевым после того, как она уже получила задаток от Пистолькорса. Венчание происходит 18 апреля 1904 г. Религиозный, счастливый жених, Андреев, с новехоньким обручальным кольцом, обводит вокруг аналоя свою избранницу. Он настроен торжественно. Он благодарит бога, что, наконец, узаконяет пред людьми свою любовь. Новобрачные в присутствии приглашенных целуются... А в ту же самую минуту блаженный Пистолькорс, ничего не подозревающий об этом событии, думает: «Конечно, самое трудное будет добиться развода. Но мы с ней этого добьемся! Она непременно развяжется с му-

жем для меня...». Неправда ли, как жалки эти оба любовника Сарры Левиной?

И, однако же, если подумать, можем ли мы строго винить ее? Вспомните: она выросла и расцвела в такой среде, где легкое поведение девушки не считалось позорным. Природа ей дала прекрасное тело. Она воспользовалась этим оружием. Ей все давалось легко, и она вообразила, что, кроме личных удовольствий, ей решительно не о чем думать в жизни. Она превратилась в избалованную эгоистку, считавшую, что всякого сорта ложь, грубости и капризы ей сойдут даром. Душа воспитывается только в несчастиях, а она их никогда не знала и едва ли могла постигнуть чужое горе. Ее трагический конец и причиненные ею огорчения объясняются только тем, что люди, одаренные душой, ее совсем, совсем не понимали...

Ей, например, даже не приходило в голову, что, закрепив свою связь с Пистолькорсом и посулив ему замужество, она тем самым разрушала всю жизнь своего несчастного мужа.

Ей казалось, что предстоит лишь самая обыкновенная сделка относительно нее между двумя мужчинами – и ничего более. Она даже додумалась до нелепости, что они оба будут одинаково рады, так как ей этот переход весьма выгоден и приятен, и что ее теперешний муж даже подружится с новым...

Всякая иная поневоле бы затревожилась, предвидя страшную ломку долголетних близких отношений к верно-

му другу. Она бы постаралась смягчить удар. Можно было бы, например, в письмах из-за границы к мужу пожаловаться на болезненную тоску, на неопределенное ожидание какого-то горя и т. п. Но для Андреевой все было «трын-трава». За границей она смело держит себя с Пистолькорсом как невеста. Перед самым выездом в Россию она берет от Пистолькорса браслет в 1200 марок. Временно расставаясь с ним, она заставляет дочь сочинять ему влюблённые телеграммы. Ее обручение с ним должно состояться чуть ли не тотчас по возвращении в Петербург. А в то же время мужу посылает прежние письма: «Милый Миша», «Добрый Миша». В письмах продолжают требования разных сумм на всякие расходы... И в самом последнем письме говорится: «Мы сожалеем, что ты не с нами...». Ну, где же тут было бедному Андрееву догадаться, что с приездом жены может стрястись над ним ужаснейшая катастрофа? О Пистолькорсе он только слышал от жены, что она где-то давно с ним познакомилась. Но сам он с Пистолькорсом разговаривал всего раз в жизни на какой-то выставке, где их познакомила жена. В доме у себя он его никогда не видел, и вообще все, что тянулось между Пистолькорсом и его женой уже около трех лет, было до такой степени от него скрыто, что о Пистолькорсе он думал столько же, как о всяком прохожем на Невском...

Наконец, жена приехала. И вот еще одна изумительная подробность: в первую же ночь Андреева отдается мужу, будучи еще не совсем здоровой, непременно требуя от него

ласки! Я думаю, что этого ее поступка ни Пистолькорс, ни Андреев, никогда в жизни не поймут.

И в самом деле. Ведь это новое и последнее сближение с мужем неминуемо должно было удвоить его будущую ревность после признания жены. Этот любовный акт был в то же время и заочным поруганием чувств Пистолькорса. Но Андреева судила иначе. Она, вероятно, думала, что «после этого» Миша будет с ней добрее и весьма легко на все согласится... Действительно, на следующий же день, за утренним чаем, развязно посмеиваясь, она вдруг брякнула мужу:

«А знаешь? Я выхожу замуж за Пистолькорса»...

Господа присяжные заседатели! Все, что я до сих пор говорил, походило на спокойный рассказ. Уголовной драмы как будто даже издалека не было видно. Однако же если вы сообразите все предыдущее, то для вас станет ясно, какая страшная громада навалилась на душу Андреева. С этой минуты, собственно, и начинается защита.

В жизни Андреева произошло нечто вроде землетрясения, совсем как в Помпее или на Мартинике. Чудесный климат, все блага природы, ясное небо. Вдруг показывается слабый свет, дымок. Затем, черные клубы дыма, гарь, копоть. Все гуще. Вот уже и солнца не видать. Полетели камни. Разливается огненная лава. Гибель грозит отовсюду. Почва колеблется. Безвыходный ужас. Наконец, неожиданный подземный удар, треск, и – все погибло.

Все это, от начала до конца, продолжалось в течение ужас-

ных двенадцати дней.

«А знаешь? Я выхожу замуж за Пистолькорса»...

В первую минуту Андреев принял слова жены за самую вздорную шутку. Но она их повторила. Он вытаращил глаза. Дальше – больше. Жена продолжает развивать свои планы. Ее упорство обнаруживается яснее. Он все еще не хочет верить. Но имя Пистолькорса все громче врывается в его дом, как имя человека, вытесняющего его самого с дороги. Жена открыто разговаривает с Пистолькорсом по телефону. Наконец, дочь после долгих колебаний сообщает отцу о серьезных намерениях матери, раскрывает перед ним ее давнишний роман. Андреев начинает чувствовать гибель. Он покупает финский нож, чтобы покончить с собой. Пришлось купить нож, потому что на покупку револьвера требовалось разрешение, а прилив отчаяния мог наступить каждую минуту, и ему казалось, что если он будет иметь при себе смерть в кармане, то он сможет еще держаться на ногах, ему легче будет урезонивать жену, упрашивать, сохранить ее за собой...

Весь обычный порядок жизни исчез! Муж теряет жену. Он не спит, не ест от неожиданной беды. Он все еще за что-то цепляется, хотя и твердит своей дочери: «Я этого не перенесу»... Пока ему все еще кажется, что жена просто дурит. Соперник всего на один год моложе его. Средств у самого Андреева достаточно. А главное, Зинаида Николаевна даже не говорит о любви. Она, как сорока, трещит только о

миллионах, о высоком положении, о возможности попасть ко двору. Оставалась невольная надежда ее образумить.

Явился, наконец, к Андрееву и сам Пистолькорс с предложением о разводе. Но Андреев и ему еще не говорил ни «да», ни «нет». «Дело серьезное, надо подумать»... О Между тем раздраженная Зинаида Николаевна начинает бить дочь за потворство отцу. Андреев тревожится за дочь, запирает ее от матери и все думает, думает... О чем он думает? Он думает, как ужасно для него отречься от женщины, которой он жертвовал всем; как беспросветна будет его одинокая старость, а главное, он не понимает, ради чего все это делается...

Действительно, если бы Андреева имела хоть чуточку женской души, если бы она в самом деле любила Пистолькорса и если бы она сколько-нибудь понимала и ценила сердце своего мужа, она бы весьма легко распутала свое положение. Конечно, пострадал бы муж, но сама Андреева достигла бы желаемого без малейшей катастрофы для себя. Подготовив мужа издалека (о чем я уже говорил), она бы могла искренно и с полным правом сказать ему:

«Миша, со мною случилось горе. Я полюбила другого. Не вини меня. Ведь и ты пережил то же самое. Жена тебя простила. Прости же меня и ты. Я тебе отдала все свои лучшие годы. Не принуждай меня быть такой же любящей, какой ты меня знал до сих пор. Это уже не в моей власти. Счастья у нас не будет. Отпусти меня, Миша. Ты видишь, я сама не

своя. Что же я могу сделать?».

Неужели не ясно для каждого, что такие слова обезоружили бы Андреева окончательно? Все было бы ясно до безнадежности. Он бы отстранился и, вероятно, покончил с собой.

Но Андреева ничего подобного не могла сказать именно потому, что вовсе не любила Пистолькорса. Она только бесилась, что муж осмеливается перечить ее капризу.

И вот, утром 23 августа, она решилась разрубить узел. В это время муж после двенадцати бессонных ночей, все еще на что-то надеявшийся, уже собрался куда-то выйти по делу и, как автомат, надел пальто. Зинаида Николаевна в туфлях на босу ногу поспешила задержать его, чтобы сразу добиться своего.

Ни ей, никому в доме, ни менее всего ее мужу не могло бы придти в голову, что в эти самые мгновения она прямо идет к своей смертной казни и даже делает последние шаги в жизни.

Она была слишком самоуверена. Муж был слишком тих и покорен. Но она поступила как дикое, тупое существо, забывшее о всем человеческом. На безвинного и любящего мужа она накинулась с яростной бранью... Она уж вообразила себя знатной дамой, с властью Трепова¹ в руках... Подбегавшая на шум дочь услышала последнюю фразу матери: «Я сделаю так, что тебя вышлют из Петербурга!..»

Эта женщина, спасенная Андреевым от ссылки, поднятая

¹ Трепов – градоначальник Петербурга, (сост. Ред.)

им из грязи, взлелеянная, хранимая им как сокровище в течение 16 лет, – эта женщина хочет «скрутить его в бараний рог», истребить его без следа, раздавить его своей ногой!

Тогда Андреев быстрым движением сбросил с себя пальто, со словами: «долго ли ты будешь оскорблять нас?» схватил жену за руку, потащил в кабинет – и оттуда, у самых дверей, раздался ее отчаянный крик...

В несколько секунд все было кончено.

Андреев выбежал в переднюю, бросил финский нож и объявил себя преступником.

Что совершилось в его душе?

На этот вопрос не может быть того определенного ответа, который необходим для судебного приговора, потому что при таком невыразимом душевном потрясении все в человеке переворачивается вверх дном... Откуда-то изнутри в Андрееве поднялась могучая волна, которая захлестнула собой и разум, и сердце, и совесть и память о грозящем законе.

Что здесь было? Ревность? Злоба? Запальчивость? Нет, все это не годится. Острая ревность была уже покорена, так как Андреев мог деловито переговариваться с своим соперником. Злоба и запальчивость опять-таки не вяжутся с делом, потому что Андреев был добр и вынослив до последней возможности.

Если хотите, здесь были ужас и отчаяние перед внезапно открывшимися Андрееву жестокостью и бездушием женщины, которой он безвозвратно отдал и сердце, и жизнь. В нем

до бешенства заговорило чувство непостижимой неправды. Здесь уже орудовала сила жизни, которая ломает все непригодное без прокурора и без суда. Уйти от этого неизбежного кризиса было некуда ни Андрееву, ни его жене.

Я назову душевное состояние Андреева «умоисступлением» – не тем умоисступлением, о котором говорит формальный закон (потому что нам требуется непременно душевная болезнь), но умоисступлением в общежитейском смысле слова. Человек «выступил из ума», был «вне себя»... Его ноги и руки работали без его участия, потому что душа отсутствовала...

Неужели собратья-люди этого не поймут?

Какая глубокая правда звучит в показании Андреева, когда он говорит: «Крик жены привел меня в себя!...». Значит, до этого крика он был в полном умопомрачении...

Желал ли Андреев того, что сделал? Нет, не желал, ибо на следующий же день говорил своим знакомым: «Я, кажется, отдал бы все на свете, чтобы этого не случилось»...

Наказывать кого бы то ни было за поступок, до очевидности безотчетный, – нечеловечно, да и ненужно...

Вот все, что я хотел сказать. Я старался разъяснить перед вами это дело на языке вашей собственно совести. По правде говоря, Я, не сомневаюсь, что вы со мной согласитесь.

И верьте, что Андреев выйдет из суда, как говорится, «с опущенной головой»... На дне его души будет по-прежнему неизлечимая рана... Его грех перед богом и кровавый при-

зрак его жены – во всем своем ужасе – останутся с ним неразлучными до конца.

* * *

Андреев был оправдан. Присяжными было признано, что убийство совершено в состоянии крайнего раздражения и запальчивости.